

Памяти Герцена. На полях журнала «Русское богатство»

© 2020, М.В. Строганов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье рассматривается история словосочетания *памяти Герцена*, которое стало названием целого ряда произведений: публицистических статей и стихотворных сочинений. Выясняется происхождение этой формулы, причины ее переноса с дней памяти (годовщин смерти) на дни рождения А.И. Герцена. Изучение этой истории позволяет определить историческое значение статьи зачинателя этой традиции А.Г. Горнфельда, наследие которого не получило еще адекватной оценки в истории литературы. В ходе исследования выясняются и уточняются литературные биографии других авторов, которые также использовали эту формулу: практически не известного «народнического» поэта С.А. Иванова-Райкова и «социал-демократического» публициста Н.Н. Кузьмина. Реконструкция этой истории позволяет увидеть и реальное место в ней статьи В.И. Ульянова-Ленина «Памяти Герцена», значение которой в 1940–1970-е гг. было неправомерно гиперболизировано, в результате чего искажалась историческая перспектива в изучении многих собственно литературных явлений и в первую очередь оценка деятельности самого А.И. Герцена. Все это приводит нас к адекватной интерпретации стихотворения Н. Коржавина, посвященного данной теме и бывшего для многих поколений идеологическим ключом к описанию места А.И. Герцена в общественно-литературном движении XIX в. В конце статьи делается вывод о том, что историческое, культурное, литературное наследие приобретает значение только в контексте современности.

Ключевые слова: несвязанное словосочетание; цитата; А.И. Герцен; «Русское богатство»; А.Г. Горнфельд; С.А. Иванов-Райков; Наум Коржавин.

Информация об авторе: Михаил Викторович Строганов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-7618-7436. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

Для цитирования: *Строганов М.В.* Памяти Герцена. На полях журнала «Русское богатство» // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 312–325. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-312-325>

Как написать два слова, вынесенные в заглавие этой заметки: в кавычках или без них? Если в кавычках, то они будут восприняты как цитата, если без кавычек, — как несвязанное словосочетание. В качестве несвязанного словосочетания конструкция *памяти кого-то* используется очень часто и применительно к разным людям и разным ситуациям. Но в качестве устойчивого и общеупотребительного оборота *Памяти Герцена* однозначно связано в нашем сознании с заглавием статьи В.И. Ульянова (Н. Ленина).

Выяснить историю этого словосочетания было бы весьма полезно не только для комментирования материалов журнала «Русское богатство», но и вообще для истории русской культуры. Конструкция *памяти кого-то* в XIX в. имела некрологические коннотации и была близка к конструкции *на смерть такого-то*. Она использовалась обычно при первых поминовениях умершего. У А.Н. Плещеева три стихотворения имеют аналогичные заглавия: «Памяти К.С. Аксакова» (1861, умер в декабре 1860), «Памяти Е.А. Плещеевой» (1865, умерла в декабре 1864), «Памяти Н.А. Некрасова» (опубликовано в 1882, умер в декабре 1877) [5, с. 150, 194–196, 245–246]. Это как бы надгробная речь. У самого Н.А. Некрасова такие стихотворения дистанцированы от события смерти: «Памяти Белинского» (между 1851 и 1853, умер в 1848), «Памяти <Асенков>ой» (1855, умерла в 1841; не случаен вариант «Воспоминание. (Памяти А-ой)») [3, т. 1, с. 121, 146–148], «Памяти Добролюбова» (1864, умер в 1861) [3, т. 2, с. 173]. Это уже не *на смерть* Асенковой, Белинского и Добролюбова, это именно *память — воспоминание*. Возможно, стихотворения Некрасова связаны с годовщинами смерти, так как днем памяти, согласно и церковной, и бытовой традиции, считается день смерти. Но во времена Некрасова непременно надо было, чтобы у автора было свое, личное воспоминание о покойном. Без личных воспоминаний *памяти такого-то* состояться не могло.

Впрочем, к концу века эта некрологическая традиция стала смещаться, и у того же Плещеева появляется стихотворение с ана-

логичным заглавием, но написанное не на смерть поминаемого лица — «Памяти Пушкина» (1880) [5, с. 252–253]. Данное стихотворение, как совершенно очевидно, связано с установкой памятника Пушкину, торжества вокруг которого происходили в майские дни, когда родился А.С. Пушкин, и в этом смысле традиция на самом деле нарушалась. Но Пушкин уже в 1880 г. воспринимался как «всегда живой», поэтому и помянуть его можно было тоже всегда. Не случайно в 1899 г., в 100-летний юбилей рождения поэта, появилось стихотворение В. Гиляровского «Памяти А.С. Пушкина»:

Поклон тебе, поэт! А было время, гнали
Тебя за речи смелые твои,
За песни, полные тревоги и печали,
За проповедь свободы и любви.
Прошли года. Спокойным, ясным взором
История, взглянув в былые времена,
Ниц пала пред тобой, покрыв навек позором
Гонителей суровых имена...
А ты пред нами здесь один царишь над тронном,
Тебе весь этот блеск восторженных очей.
Один ты окружен бессмертным ореолом
Неугасающих лучей!¹

В этом стихотворении нет ничего конкретного, это какая-то мифологема поэта. Знать такого Пушкина вовсе не обязательно, достаточно упоминать общеупотребительные штампы.

1. Народническая «памяти Герцена»

И вот на этом фоне в 1900 г. появляются две статьи, посвященные 30-тилетней годовщине со дня смерти Александра Ивановича Герцена и озаглавленные совершенно одинаково: «Памяти Герцена». Именно так называли свои статьи А.Г. Горнфельд в январском номере журнала «Русское богатство»² и П.Н. Милюков в февральском номере журнала «Мир Божий»³. Горнфельд и Милюков, разумеется, не стоваривались, но сами эти журналы были очень близки друг другу

¹ *Гиляровский В.* Памяти А.С. Пушкина // Курьер. 1899. № 146.

² *Горнфельд А.Г.* Памяти Герцена // Русское богатство. 1900. № 1. Отд. 2. С. 182–188.

³ *Милюков П.* Памяти Герцена // Мир Божий. 1900. № 2. Кн. 2. С. 17–21.

в разных отношениях. В частности (и прежде всего), лидер «Мира Божьего» А.И. Богданович был мужем Татьяны Криль, которая за смертью матери воспитывалась в семье своей тетки А.Н. Анненской, жены одного из членов редакции «Русского богатства» Н.Ф. Анненского. Обе семьи тесно общались, хотя их журналы, сходные в резко критическом отношении к государственному устройству тогдашней России, постоянно полемизировали о путях государственного переустройства. На этом фоне такой повтор названия, если бы обе стороны знали о планах друг друга, был бы явно не в пользу опоздавшего. Поэтому объяснять совпадение в названиях статей следует тем, что обе статьи были написаны к годовщине смерти Герцена, и название их отвечало традиции церковного поминовения. Но никаких личных воспоминаний о Герцене, подобных тем, какие были у Плещеева о К. Аксакове, Е. Плещеевой и Некрасове, или тем, какие были у Некрасова о Белинском, Асенковой и Добролюбове, — никаких личных воспоминаний о Герцене у Милюкова и Горнфельда не было. Так актуализируется другая коннотация формулы, восходящая к церковной «вечной памяти» и связанная с представлением о «вечно живом» в памяти, что мы видели у позднего Плещеева и Гиляровского о Пушкине.

Формула *памяти такого-то* была достаточно употребительна. За четыре месяца до появления статьи Горнфельда именно так озаглавил первый раздел своей постоянно рубрики «Литература и жизнь» Н.К. Михайловский: «Памяти Салтыкова»⁴. И вот первый абзац этого раздела: «28 апреля минуло десять лет со смерти Щедрина. Мы не могли своевременно помянуть покойника, но и вообще литература не расщедрилась на поминки. То ли ее внимание сосредоточивали на себе текущие дела, — хоть в нашей современной жизни едва ли найдется хотя бы одно текущее дело, которое не давало бы повода для воспоминаний о Щедрине, — то ли у нас вообще коротка память. Последнее вернее». Михайловский не входил в число людей, душевно близких к Салтыкову, однако он сам был лично и близко знаком с Салтыковым, поэтому он мог говорить о памяти Салтыкова в том традиционном смысле, который мы видели у Некрасова. Но у Михайловского оборот «памяти Салтыкова» означает именно «вечную память», и именно этой вечной памяти он не находит в современном обществе. И именно с это-

⁴ Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Памяти Салтыкова. — О лживых словах, их многообразии и разнообразии. — Г. Величко и «гражданские мотивы» // Русское богатство. 1899. № 6 (9). Отд. 2. С. 150–176.

го мотива вечной памяти и начинает свою статью Горнфельд: «Тридцать лет со дня смерти Герцена: как много для смертных и как мало для бессмертных — точно вчера написаны его последние строки...»

Впрочем, параллельно с этим оставались актуальными и иные коннотации нашей формулы. В том же самом номере «Русского богатства», вслед за статьей Горнфельда о Герцене, Михайловский печатает некрологическую статью «Памяти Д.В. Григоровича», которую начинает следующими словами: «22-го декабря прошлого года скончался Дмитрий Васильевич Григорович»⁵. И здесь эта формула *памяти кого-то* означает фактически «на смерть», это надгробная речь. И эта разница оформляется в заглавии статьи. Надгробная речь, некролог посвящается недавно жившему человеку, поэтому он назван с инициалами. Покойный, который остался в памяти потомков, именуется только по фамилии: Пушкин, Герцен, Салтыков, — одного этого уже достаточно. То же самое мы видим в других некрологиях: «Памяти А.А. Давыдовой» Михайловского (в составе его сериальной статьи «Литература и жизнь»)⁶, «Памяти А.И. Богдановича»⁷ и «Памяти Н.Г. Михайловского (Гарина)»⁸ А.И. Куприна. На этом фоне совершенно выделяется название «Памяти Чехова» того же Куприна: Чехов сразу входил в число небожителей, и имя-отчество для его именованья было не нужно⁹.

Современники сразу запомнили формулу «Памяти Герцена». Через год (в 1901 г.) с таким же названием появилась еще одна статья о Герцене¹⁰, потом еще два стихотворения: в 1906 и 1907 гг.¹¹ Это единообразие можно назвать однообразием и считать его следствием скудости воображения, приводящей к механическому воспроизведению штампов. Но можно толковать его и как сознательно используемый прием.

Несомненно осознанным приемом была публикация одного из упомянутых выше стихотворений, которое принадлежало практически

⁵ Михайловский Н.К. Памяти Д.В. Григоровича // Русское богатство. 1900. № 1. Отд. 2. С. 188–194.

⁶ Михайловский Н.К. Литература и жизнь: Материалы для биографии Г.И. Успенского. — Памяти А.А. Давыдовой. — О том, как г. А. Острогорский превратил рассказ Костомарова в рассказ Л.Н. Толстого // Русское богатство. 1902. № 3. Отд. 2. С. 48–51.

⁷ Куприн А. Памяти А.И. Богдановича // Современный мир. 1907. № 4.

⁸ Куприн А. Памяти Н.Г. Михайловского (Гарина) // Современный мир. 1908. № 3.

⁹ Куприн А. Памяти Чехова // Наша жизнь. 1905. № 140, 2 июля.

¹⁰ Повчинский. Памяти А.И. Герцена // Казбек. 1901. № 942.

¹¹ Одно из них: Горянский В. Звонарь. Памяти Герцена // Слово. 1907. № 194. Валентин Горянский — псевдоним Валентина Ивановича Иванова (1888–1944).

неизвестному поэту Сергею Афанасьевичу Иванову-Райкову (1869 – после 1918)¹². Сведения об этом писателе очень скудны, хотя он очень важен для нашего сюжета. Известно только, что он учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с 10 апреля 1891 по 19 октября 1900 г.¹³, но в списках выпускников не значится¹⁴. А в 1918 г. он преподавал в Строгановском центральном художественно-промышленном училище¹⁵. Сведения о дальнейшей его судьбе неизвестны.

В 1905–1909 гг. Иванов-Райков сотрудничал в «Русском богатстве»¹⁶ и, видимо, только в этом журнале, так как нигде более его публикации не выявлены. Стихи его всегда были аллегориями. Водоворот и прилив — это, конечно, водовороты и приливы общественных движений; темная ночь — это современная общественная ситуация. Такими же аллегориями являются и исторические персонажи, которым посвящены многие стихотворения: Самсон, Разин, Юдифь. Именно в этом русле следует толковать и стихотворение «Памяти Герцена», опубликованное в этом журнале, который, впрочем, назывался из-за временного запрещения «Русского богатства» иначе — «Современность»¹⁷, но это никого не обманывало, так как «Современность» выпускала та же редакция. Иванов-Райков продолжал тему, начатую пять лет назад Горнфельдом.

¹² Большая биографическая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/Иванов-Райков,_Сергей_Афан (дата обращения 17.04.2020).

¹³ РГАЛИ. Ф. 680 (Училище живописи, ваяния и зодчества). Оп. 2 (Личные дела учащихся). Ед. хр. 1238. Личное дело Сергея Афанасьевича Иванова (Райкова).

¹⁴ Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Выпускники училища. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Категория:Выпускники_Московского_училища_живописи,_ваяния_и_зодчества&pageuntil=Моравов%2C+Александр+Викторович#mw-pages (дата обращения 17.04.2020).

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 677 (Строгановское центральное художественно-промышленное училище). Оп. 1 (Личные дела учащихся, преподавателей и служащих). Ед. хр. 3535. Личное дело Сергея Афанасьевича Иванова, 1918.

¹⁶ *Иванов-Райков С. 1)* В руднике // Русское богатство. 1905. № 11–12. 2-я паг. С. 335; 2) Допрос // Русское богатство. 1906. № 5. С. 124; 3) Темной ночью // Русское богатство. 1906. № 12. С. 34; 4) На Новый год // Русское богатство. 1906. № 12. 2 паг. С. 108; 5) Сказка («Призывает король Аладдин...») // Русское богатство. 1907. № 1. С. 85; 6) Самсон // Русское богатство. 1907. № 6. С. 208; 7) Засуха // Русское богатство. 1907. № 7. С. 200; 8) Водоворот // Русское богатство. 1907. № 8. С. 184; 9) Прилив // Русское богатство. 1908. № 4. С. 117 (в оглавлении: Иванов-Райский); 10) Разин // Русское богатство. 1908. № 9. С. 183–184; 11) Юдифь // Русское богатство. 1909. № 2. С. 227–228; 12) Илия // Русское богатство. 1910. № 1. С. 95–96. См. также: *Иванов-Райков С.А.* Муций Сцевола. — Допрос — Сказка // Сочинения Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, Андреева, Куприна, Чирикова, Короленко, Золя, Мопассана и др., сброшюрованные в одну книгу. СПб.: Электронпечатня К.А. Четверикова, 1914. Бесплатное приложение к журналу «Источник света и знания». С. 529–530.

¹⁷ *Иванов-Райков С.* Памяти Герцена. Сонет // Современность. 1906. Кн. 1, март. С. 7.

Как поэт Иванов-Райков ни на что другое и не годился: он мог только добросовестно репродуцировать те аллегии, которые уже сложились в общественном сознании: водовороты, приливы, Самсоны, Разины...

И точно так же вполне сознательно (и вместе с тем в духе массового сознания) была названа статья В.Е. Чешихина (Ч. Ветринского), опубликованная в январе 1908 г.¹⁸, даром что в этом году не исполнялось никакого «юбилея» Герцена.

Но как бы ни толковать это повторение одного и того же названия, оно со всей неизбежностью свидетельствует о том, что статьи Горнфельда и Милюкова настолько зацепили общественное сознание, что в результате начала складываться определенная традиция: разговор о Герцене мог получить только одно название: *памяти Герцена*.

2. Социал-демократическая «памяти Герцена»

Обильные и совершенно неожиданные плоды эта традиция принесла в 1912 г., к 100-летию со дня рождения Герцена. «Русское богатство» обошлось в этот раз без программных статей: всё программное Горнфельд сказал десять лет назад. «Русское богатство» в марте и апреле (Герцен родился 25 марта по Юлианскому календарю и 6 апреля по Григорианскому) напечатало впервые на русском языке большую работу Герцена «Новая фаза в русской литературе»¹⁹. Публикация сопровождалась следующим примечанием «От редакции “Русского богатства”»:

Предлагаемая вниманию читателей статья А.И. Герцена появилась во французском издании «Колокола» в 1864 году. Затем она была издана отдельной брошюрой, тоже на французском языке, с следующим примечанием:

Этот ряд очерков А.И. Герцена (Искандера), напечатанных впервые в «Колоколе» (франц. издание), появится позже по-русски. Рекомендуем их вниманию особенно тех, кто хочет составить себе понятие о нравственном уровне современной прессы, находящейся в услужении петербургского правительства.

Впоследствии, однако, на русском языке эта статья не появилась и не вошла ни в одно собрание сочинений Герцена. Таким образом

¹⁸ *Ветринский Ч. (Чешихин)*. Памяти Герцена. Неизданное посвящение к второй главе «С того берега» и речь Вырубова на могиле Герцена // Час. 1908. № 88, 8 января.

¹⁹ *Герцен А. (Искандер)*. Новая фаза русской литературы / перевод Вал. Яковенко // Русское богатство. 1912. № 3. С. 22–43; № 4. С. 198–217.

для русского читателя она является новостью. Ее «боевая сторона», то, для чего автор «особенно рекомендовал» ее современным ему читателям, отошла в область истории. Кто теперь пожелал бы «составить себе понятие о нравственном уровне прессы, находящейся в услужении петербургского правительства», — найдет, пожалуй, материал и побогаче, и посвежее. Но сторона чисто литературная, но те лучи, посредством которых так уверенно и метко Герцен устанавливает историко-литературные перспективы, — сохраняют и до сих пор интерес.

В годовщину рождения знаменитого русского писателя-изгнанника (25 марта 1812 г.) мы рады случаю дать читателям эту интересную «старую новинку», хотя бы только в «переводе с французского»²⁰.

Переводчиком и отчасти автором этой заметки был земский статистик Валентин Иванович Яковенко (1859–1915). Он был редактором собрания сочинений Шевченко, редактором энциклопедического словаря Ф.Ф. Павленкова, душеприказчиком и руководителем издательства Павленкова после его смерти, опубликовал семь книг в серии Павленкова «Жизнь замечательных людей». Не принимая непосредственного участия в народническом движении, он постоянно проявлял социальную активность. И судьба его была тесно связана с судьбами членов редакции «Русского богатства». В апреле 1891 г. за участие в демонстрации на похоронах Н.В. Шелгунова Яковенко был выслан из Петербурга (как и Н.К. Михайловский) с запрещением жить в течение трех лет в столицах и ряде других мест. После демонстрации 4 марта 1901 г. у Казанского собора в Петербурге он составил сочувственный адрес Н.Ф. Анненскому, пострадавшему на демонстрации, и 6 марта предложил подписать его служащим статистического бюро Петербургского земства, за что был арестован и вновь выслан из столицы. Яковенко редактировал первое собрание сочинений Герцена, выпущенное в России (1905), куда «Новая фаза в русской литературе» не вошла. Эта первая публикация статьи не учтена в академическом Собрании сочинений Герцена [1, т. 18, с. 570–574].

Но все же главная мысль заметки принадлежала редакции журнала, которая ценит в Герцене «сторону чисто литературную», «те лучи, посредством которых так уверенно и метко Герцен устанавливает историко-литературные перспективы» и которые до сих пор не утра-

²⁰ Русское богатство. 1912. № 3. С. 22–23.

чивают свое значение. Речь идет о любимой мысли Герцена, согласно которой «нераздельное представляет нам литература и политический быт» (февраль 1834) [1, т. 1, с. 59]. И к этой мысли мы еще вернемся.

Итак, «Русское богатство» ограничилось публикацией неизвестного произведения самого Герцена и очень важной, но сугубо историко-литературной статьей Иванова-Разумника²¹. И — никакой «памяти Герцена». Зато в других изданиях в апреле 1912 г. появилось четыре статьи с одним и тем же названием «Памяти Герцена» (иногда при фамилии стояли инициалы): А.В. Амфитеатрова²², Н.Н. Кузьмина²³, В.И. Ульянова-Ленина²⁴ и А.В. Луначарского²⁵.

В этом ряду наименее известным автором является Н.Н. Кузьмин. Как можно судить, это был Николай Николаевич Кузьмин (1883–1938), позже советский военный и партийный деятель. В 1906–1909 гг. он был членом военной организации большевиков, членом литературной группы Петербургского комитета большевиков, сотрудником газет «Голос металлистов», «Голос кожевника», «Голос приказчика» и студенческого большевистского журнала «Молодая Россия» (правда, его собственная журналистская деятельность неизвестна и не изучена). После разгрома Петербургского комитета большевиков весной 1909 г. Кузьмин жил в эмиграции на острове Капри, в Женеве и Париже общался с В.И. Лениным. В 1914 г. он вернулся в Россию и преподавал физику в Петроградском коммерческом училище. Переехал в Смоленск, где вел работу в социал-демократических кружках. После 1917 г. и до своего ареста в 1938 г. занимал разные руководящие должности.

Если автором одной из статей был именно он, то совершенно очевидно, что инициативу «памяти Герцена» в 1912 г. перехватили большевики, и возможно даже, что это ходячее название неоднократно проговаривалось между ними. Об этом же, в числе прочего, свидетельствует и Луначарский, который при перепечатке своей статьи под заглавием «Александр Иванович Герцен» указал в подстрочном примечании: «Эта статья написана была за границей в дни

²¹ *Иванов-Разумник*. Драммы Герцена // Русское богатство. 1912. № 3. С. 225–248.

²² *Амфитеатров А.В.* Памяти А.И. Герцена // Амфитеатров А.В. Собрание сочинений. Т. XXXV: Свет и сила. Пг.: Типо-лит. Акц. о-ва «Самообразование», 1915. С. 28–44. В собрании сочинений статья помечена 1912 г., но место ее первой публикации установить не удалось.

²³ *Кузьмин Н.Н.* Памяти Герцена // Современный мир. 1912. № 1.

²⁴ *Ленин Н.* Памяти Герцена // Социал-демократ. 1912. № 26, 25 апреля (8 мая).

²⁵ *Луначарский А.В.* Памяти А.И. Герцена // Новая жизнь. 1912. № 4. С. 166–191.

чествования Герцена по поводу 40-летия со дня его смерти в 1910 г. в Париже»²⁶. И если это верно, то у Луначарского такое название было отголоском поминального текста, а у русских социал-демократов само словосочетание было тем более на слуху. И в таком случае в этом же ряду оказывается и статья Амфитеатрова, который в 1912 г. жил в Италии и тесно общался с А.М. Пешковым, хотя и отошел от журнала «Современник».

Говорить о поминовении в юбилей рождения вообще-то совершенно неуместно: днем памяти, как мы уже говорили, считается день смерти. Но «памяти Герцена» — это произнеслось в 1912 г. легко. Ленин именно так и писал: «Чествует его вся либеральная Россия <...>. Поминает Герцена и правая печать <...>. Рабочая партия должна помнить Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач...»²⁷ И теперь нам ясно, почему: формула восходила не к церковной традиции, а к традиции светской журналистики.

3. Диссидентская «памяти Герцена»

Завершая наш небольшой комментарий, нельзя не вспомнить, что в те годы, когда в России торжествовало единомыслие, формула *памяти Герцена* в обязательном порядке повторялась и даже заучивалась в школе, так что у многих поколений это словосочетание вызывало отторжение как однопартийное и даже одnogолосое слово. Между тем мы вскрываем сейчас многоголосицу внутри этого слова, разные обертона его звучания. И это позволяет нам сделать еще одно уточнение.

Достаточно хорошо известно стихотворение Наума Коржавина «Памяти Герцена. Баллада об историческом недосыпе (Жестокий романс по одноименному произведению В.И. Ленина)» (1972, хотя есть указания и на 1969), ставшее песней с музыкой Александра Дулова. Стихотворение это основано на ходячем для того времени представлении, что выразительная метафора «декабристы разбудили Герцена», равно как и название «Памяти Герцена», принадлежит именно Ульянову-Ленину:

²⁶ Луначарский А.В. Литературные силуэты. М.; Л.: Гиз, 1925. С. 8.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд. политической литературы, 1968. Т. 21: Декабрь 1911 – июль 1912. С. 255.

Любовь к Добру разбередила сердце им.
 А Герцен спал, не ведая про зло...
 Но декабристы разбудили Герцена.
 Он недоспал. Отсюда всё пошло.

<.....>

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
 От жажды сна и жажды всех судить...
 Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
 Нельзя в России никого будить.

[2, с. 180–182]

Однако, как нам теперь ясно, не Ульянов-Ленин придумал это название, и не Ульянов-Ленин придумал метафору со словом *разбудили*, потому что уже в 1907 г. В. Горянский назвал свое стихотворение «памяти Герцена» «Звонарь». Впрочем, значительно раньше эти «колокольные» ассоциации имели иной характер, как в воспоминаниях И.И. Панаева о Герцене: «Всегда заливался и звонил, как колокольчик. В этом серебряном звоне было столько силы, блеска, ума, иронии, знаний, что он никогда не мог надоесть» [4, с. 101].

Историческое значение статьи Горнфельда не только в том, что она помогает разобраться в ситуации 1912 г. и выяснить корни этой формулы, но еще и в том, что она делает возможным установить значение Герцена для тех поколений, которые уже не переживают сиюминутное политическое содержание прозы Герцена²⁸.

Горнфельд писал, что «по натуре Герцен не был ни политиком, ни агитатором, ни партийным деятелем. А между тем литература — иногда с чрезмерной настойчивостью и преувеличениями — указывала на это со дня смерти Герцена. Уже в начале семидесятых годов взгляд этот был высказан Страховым, затем подтвержден анонимным автором предисловия к заграничному собранию сочинений Герцена. И тогда же чуткий И.С. Тургенев наметил первую причину этого. “Что за умница, — писал он, — был этот человек, и как он глубоко проникал в суть нашей дребедени! Но именно от этой причины он менее всего был политический деятель”. Далее Горнфельд продолжал: «Кто глубоко проникает в суть, тот не природный деятель... А широта Герцена была его господствующей чертой, отметит которую не забывал никто из писавших о нем,

²⁸ О «знаковом» характере имени Герцена «в истории русской интеллигенции» см.: [6, с. 22].

и которую так умело формулировал покойный Шелгунов <:> ...“Такие люди могут по очереди пережить двадцатые, сороковые, шестидесятые и даже сотые годы, лишь бы Бог дал веку, и не останутся на каком-либо предыдущем периоде, чтобы сделаться врагами последующего”. Свои первые опыты он недаром собрал под именем “Раздумья” — чего-то прямо противоположного деятельности, борьбе. Он и был всегда только “художественной натурой на политической основе”²⁹. Писатель не может быть не художественной натурой, но не каждый будет «художественной натурой на политической основе». Станным и проницательным для современного человека выглядит тот факт, что эти слова о Герцене сказал Н.В. Шелгунов.

Наконец, историческое значение статьи Горфельда в том, что, отвлекаясь от актуального восприятия Герцена, он обнаруживает восходящую к нему традицию литературы non-fiction: «Кто читал Герцена, тот знает, в какой степени это характерно для него: о чем бы он ни писал, он писал о себе — и это самое ценное и дорогое в его книгах. Идеи стареют и обновляются, возрождаются, пошлеют и умирают; пред ними можно преклоняться, можно умирать за них, можно их ненавидеть всею силой души. Но невозможно любить их той любовью, которая связывает нас с живой индивидуальностью, вечно новой, всегда деятельной, никогда не повторяющейся и согревающей нас своею кровью»³⁰.

*

Историческое, культурное, литературное наследие приобретает значение только в контексте современности. Но политика и публицистика стремятся развернуть наследие прошлого в своих конкретных прагматических интересах. И даже история стремится увидеть в прошлом урок, хотя адресует его не одной какой-то группе людей, а всей современности в целом. У литературы даже таких прагматических интересов нет. Но литература привлекает современника обаянием личности человека прошлых веков, и в этом ее ничем не заменимое значение.

²⁹ Горнфельд А.Г. Памяти Герцена // Русское богатство. 1900. № 1. Отд. 2. С. 185.

³⁰ Там же. С. 186.

Список литературы

1. *Герцен А.И.* Собрание сочинений: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965.
2. *Коржавин Н.* Время дано: Стихи и поэмы. М.: Худож. лит., 1992. 319 с.
3. *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
4. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания // Герцен в воспоминаниях современников / сост., вступит. статья и коммент. В.А. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1956. С. 95–112.
5. *Плещеев А.Н.* Полное собрание стихотворений / вступит. ст., подгот. текста и примеч. М.Я. Полякова. М.; Л.: Советский писатель, 1964. (Библиотека поэта. Большая серия). 430 с.
6. *Родигина Н.Н., Сабурова Т.А.* «Вперед к Герцену»: Репрезентация А.И. Герцена в мемуарах русских интеллектуалов XIX в. // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 5–22.

Статья поступила в редакцию: 13.05.2020

Одобрена после рецензирования: 08.08.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

In Memory of Herzen. On the Margins of the Magazine “Russkoye Bogatstvo”

© 2020. Mikhail V. Stroganov

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The paper examines the history of the phrase “in memory of Herzen”, which became the title of a number of journalistic and poetic works. The origin of this formula and the reasons for its transfer from the days of memory (anniversaries of death) to the birthdays of A.I. Herzen are found out. The study of this story allows determining the historical significance of the article by the founder of this tradition, A.G. Gornfeld, whose legacy has not yet received an adequate assessment in the literary history. In the course of the study, the author clarifies and refines the literary biographies of other authors who also used this formula: the practically unknown “populist” poet S. Ivanov-Raikov and the “social democratic” publicist N.N. Kuzmin. The reconstruction allows seeing the real role of the article “In Memory of Herzen” by V.I. Ulyanov-Lenin, the value of which in the 1940–1970s was unlawfully exaggerated, as a result of which the historical perspective in the study of many literary phenomena and, first of all, the assessment of A.I. Herzen’s activities were distorted. All this leads to an adequate interpretation of N. Korzhavin’s poem dedicated to the topic, which for

many generations has been the ideological key to describing the place of A.I. Herzen in the social and literary movement of the 19th century. At the end of the paper, it is concluded that the historical, cultural and literary heritage acquires significance only in the context of modernity, but politics and journalism seek to unfold the legacy of the past in their specific pragmatic interests, and even history seeks to see a lesson in the past, although addressing it not to a particular group of people, but to the modernity as a whole. Literature does not have such pragmatic interests, but it attracts modern human with the charm of the personality of past centuries, and that's what makes its irreplaceable significance.

Keywords: unrelated phrase; quote; A.I. Herzen; “Russkoye Bogatstvo”; A.G. Gornfeld; S.A. Ivanov-Raikov; Naum Korzhavin.

Information about the author: Mikhail V. Stroganov, PhD in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-7618-7436. E-mail: mvstroganov@gmail.com.

For citation: Stroganov, M.V. “In Memory of Herzen. On the Margins of the Magazine ‘Russkoye Bogatstvo’.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 312–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-312-325>

References

1. Gertsen, A.I. *Sobranie sochinenii: v 30 t. [Collected Works: in 30 vols.]*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954–1965. (In Russ.)
2. Korzhavin, N. *Vremia dano: Stikhi i poemy [Time is Given: Poems]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1992. 319 p. (In Russ.)
3. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 t. [Complete Works: in 15 vols.]*. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
4. Panaev, I.I. “Literaturnye vospominaniia” [“Literary Memoirs”]. *Gertsen v vospominaniakh sovremennikov [Herzen in the Memoirs of Contemporaries]*, comp., introd. and comm. by V.A. Putintsev. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956, pp. 95–112. (In Russ.)
5. Pleshcheev, A.N. *Polnoe sobranie stikhotvorenii [Complete Poems]*, introd., ed. and ref. by M.Ia. Poliakov. Moscow; Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1964. 430 p. (In Russ.)
6. Rodigina, N.N., Saburova, T.A. “Vpered k Gertsenu”: Rezentatsiia A.I. Gertsena v memuarakh russkikh intellektualov XIX v.” [“Forward to Herzen”: Representation of A.I. Herzen in the Memoirs of Russian Intellectuals of the 19th Century”]. *Dialog so vremenem*, issue 38, 2012, pp. 5–22. (In Russ.)

The article was submitted: 13.05.2020

Approved after reviewing: 08.08.2020

Date of publication: 25.12.2020